

БАКХАНКА

Роман без романтики

Кто из вас без греха, первый пусть бросит в нее камнем.

От Иоанна, глава 8

I

-- Клео, -- сказала Анна Игнатьевна Орлова своей рыжеволосой дочери Клеопатре, -- сегодня у нас будет с визитом Михаил Павлович Тишинский. Постарайся понравиться ему. Нет ничего хуже, чем дурные отношения между поклонниками матери и ее детьми. Но я надеюсь, что мой милый маленький Котенок сумеет встать сразу на дружескую ногу с таким симпатичным благородным человеком, как Мишель Тишинский.

Эту тираду Анна Игнатьевна закрепила продолжительным поцелуем, на который Клео -- как называли молодую девушку друзья и знакомые ее матери -- ответила лукавой и все понимающей улыбкой.

Никому иному, как дочери драматической артистки Анны Игнатьевны Орловой, не подошло бы более ее прозвище Котенок. Шестнадцатилетняя Клео действительно таила в себе что-то кошачье. Ее хорошенькая, совсем еще детская и свежая рожица, с узкими, зеленовато-серыми, постоянно сладко щурящимися глазками, с наивным припухлым ребяческим и одновременно взрослым ртом и этими, унаследованными ею от отца рыжими, настоящими тициановскими волосами, золотым ореолом окружающими ослепительно белую кожу рыжей блондинки, наводила на мысль о каком-то пушистом, нежном и прелестном зверьке.

-- Будь спокойна, я сделаю все так, как ты этого хочешь, мама. И если этот твой Тишинский окажется таким же интересным и милым, как дядя Макс...

Тут детское личико приняло совсем уже не детское выражение. И ноздри маленького вздернутого носа чуть вздрогнули в чувственном трепете.

Анна Игнатьевна нахмурилась. Ее смуглое лицо далеко еще не увядшей красивой тридцативосьмилетней женщины с такими же зеленовато-желтоватыми, как и у дочери, глазами, однако не прищуренными, а со строгим вызовом смотревшими на людей, внимательно и зорко взглянули в кошачьи зрачки дочери.

-- Я не люблю, когда ты так шутишь, Клео, -- проговорила она строго, и темный, чуть заметный румянец пополз по ее смуглым щекам.

-- Янисколько не шучу, -- сорвалось с алых детских пухлых губ Клеопатры. -- Мне и в самом деле безумно нравится дядя Макс... Нравится с первых же классов гимназии, и все это знают. Только ты одна упорно не желаешь замечать этого. Ну да, не хочешь... Тебе это выгодно, мама, -- почти шепотом закончила всю фразу Клео.

Анна Игнатьевна вздрогнула, как под ударом кнута, под этим взглядом.

-- Если ты не хочешь со мною серьезно поссориться, Клео, не смей говорить таких глупостей. Я не потерплю, чтобы дядя Макс служил мишенью твоим глупым насмешкам, -- процедила она сквозь зубы.

-- Я и не думаю смеяться, с чего ты взяла?

Рыжий локон упал на лоб, зелено-желтоватые глаза блеснули из-под него лукаво и зло настоящим кошачьим блеском.

Взоры матери и дочери на миг скрестились.

В одном из них отразился самый неподдельный испуг, отчаянный страх потерять самое дорогое в жизни; в другом, молодом, горячем и злобном, старшая женщина прочла столько откровенной ненависти и затаенной угрозы, что не выдержала, дрогнула и опустила глаза.

"Боже мой, за что? -- думала Орлова. -- Мой Котенок, моя девочка, моя дочь родная, выстрадавшая мною, любимая безгранично, и... такую злобу, столько жгучей ненависти она питает ко мне", -- промелькнуло вихрем в голове женщины. Но страдальческое выражение не долго гостило на этом смуглом лице южанки. В следующее мгновение черные брови Орловой поднялись, и не то гордая, не то презрительная усмешка искривила ее губы.